

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер Виктор Коротаяев, большой общерусский поэт. Всего за три дня до безвременной кончины своей он был у нас в редакции — веселый, зажигательный, полный творческих замыслов и обаятельного дружества. И оттого еще острее, еще безысходнее наша скорбь...

Когда-то, будучи еще молодым, он вдруг, словно заглянув на миг за занавеску тьмы, окутывающей просторы грядущего, произнес печальные и, увы, пророческие слова:

Я не заживусь на этом свете.
Не случайно кажется: вот-вот
И меня, рванув, осенний ветер
Заодно с листвою унесет...

Жестокое это пророчество сбылось. “Рвануло” сердце поэта, не выдержавшее страшного, непомерного груза гнева и боли за поруганное Отечество, за растоптанные идеалы, за унижение и растрепание народа. Погиб поэт, не дожив даже до шестидесяти. Еще одна из бесчисленных жертв демократического “секвестра”, по законам которого русские мужики умирают теперь в допенсионном возрасте.

В нем самом, в певучих стихах его было столько жизни и воли, столько природной цепкости, столько добра и света, что казалось: не сломить, не согнуть этого человека. Казалось...

Но, как бы самовозрождаясь из неиссякаемого источника веры в народ и труд, душа его будет жить в стихах. Жить, зажигая сердца потомков чистым пламенем этой высокой веры.

...В одной из книг Виктора Вениаминовича мы нашли удивительное — и тоже пророческое! — стихотворение. В нем сказано все и о себе, и о судьбе Поэта.

САМОСОЖЖЕНЕЦ

...И жил он, и мыслил не просто,
Природный
Растранивал пыл.
А прожил бы лет
Девяносто,
Когда б поумеренней
Жил.
Не ради бравады,
Тирады
В крутые впадал виражи,
А всё ради чести
И правды,
И всё против лести
И лжи.

Курил и терзался
Безбожно,
Срывался с режимов,
Диет,
И умер,
Как будто нарочно,
Во цвете,
Во празднике лет.
В сознательном словно запале
Сжигал свою душу, скорбя,
Чтоб следом идущие
Знали,
На что
Обрекают себя.